

Ян Братович СУПЕРШУМ

#сборник страшных и абсурдных рассказов

Ян Братович

Супершум

«Издательские решения»

Братович Я.

Супершум / Я. Братович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855631-9

Данный сборник из 8 мистических и абсурдных рассказов является попыткой объединения наиболее темных сторон русской экспериментальной прозы и визуального техноавангардизма. Иногда читатель может увидеть в этой книге вместо букв и предложений нечто иное. В прямом и переносном смысле.

ISBN 978-5-44-855631-9

© Братович Я.
© Издательские решения

Содержание

Автобус №851	6
Шварцеланд	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Супершум

Ян Братович

© Ян Братович, 2017

ISBN 978-5-4485-5631-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кровь не останавливается. Мира умирает беззащитным цветком, сбрасывает лепестки один за другим. Я срываюсь на слезы и безостановочно рыдаю. Я кричу сквозь неё. Кричу в себя. Она молчит и меня покидает. Проваливается всё дальше и дальше к смерти, и я, совсем обезумев, впиваюсь пальцами в её плечи, обнимаю, как будто ей еще не поздно чем-то помочь, но все бестолку. Пытаюсь приблизиться к её губам, чтобы услышать хотя бы лёгкое дыхание. К груди, чтобы услышать стук сердца. Но ничего не слышу... Я подбираю под себя ноги и в отчаянии закрываю лицо ладонями. Дочка только беззвучно лежит и смотрит в небо.

ОРРЕК_LPİ В ЗЕЪKVVE¹

ЭКСТ. – ГОРОДСКАЯ УЛИЦА – НОЧЬ

¹ В названии произведения не допущены ошибки или опечатки, оно дается в вертикальном зеркальном отражении согласно авторскому замыслу.

Автобус №851

Мужчина со звучным именем Абб сидел на автобусной остановке. Он выглядел как человек, который не пользуется общественным транспортом: стильные чёрные штаны, выглаженная белая рубашка, чёрный пиджак по фигуре, чёрный галстук. В руках – жёлтый чемодан. Взгляд отчуждённый, словно у слепого – сквозь предметы и людей.

К остановке подъехал автобус №851. Несколько пассажиров вышли из него, несколько вошли.

– Это ваш автобус! Вы ведь о нём спрашивали? – вдруг опомнившись сказала пожилая женщина, сидевшая на остановке, и тронула за плечо Абба.

Абб быстро отреагировал и посмотрел на автобус, двери которого уже закрывались.

– Стойте! – закричал Абб. – Подождите!

Пожилая женщина схватила Абба за локоть:

– Молодой человек, я должна вам кое-что сказать...

– Отпустите... – Абб одёрнул руку. – Вы видите, что я опаздываю?!

Автобус уже отъехал от остановки, но не успел набрать скорость, поэтому Абб его нагнал.

– Откройте дверь! Эй! Откройте дверь!

Абб бежал рядом с автобусом и громко стучал ладонью по его дверям.

– Эй! Эй! – Абб махал перед глазами пассажиров чемоданом. – Скажите водителю, чтобы открыл двери! Эй!

Пассажиры безучастно смотрели на Абба и отводили взгляды. Автобус ехал всё быстрее и быстрее. Абб чуть не споткнулся о бордюр и отстал от автобуса. Он остановился, поправил галстук, оказавшийся на плече, и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Абб провожал глазами автобус №851, который притормозил метрах в пятидесяти от него – перед легковой машиной. Абб побежал к автобусу. На дороге образовалась небольшая пробка. Как только Абб добежал до автобуса, тот тронулся и поехал с небольшой скоростью. Остальные автомобили на дороге тоже возобновили движение.

Абб бежал рядом с автобусом и громко стучал ладонью по его дверям.

– Эй! Вы видите меня? Эй! – Абб махал перед глазами пассажиров чемоданом. – Скажите водителю, чтобы открыл двери! Остановитесь! Стойте!

Но пассажиры, как и прежде, не реагировали на крики Абба. Кто-то делал стеклянные глаза, кто-то переводил взгляд на свой мобильный телефон.

Автобус поворачивал направо. Абб резко остановился. Он смотрел то на автобус, то куда-то в сторону. По выражению лица Абба стало ясно, что он хочет срезать путь. Автобус №851 скрылся за поворотом. Абб перепрыгнул через кусты и побежал по дорожке между домами.

В проёме показался какой-то мужчина. Он заметил, что Абб очень спешит и стал преграждать ему путь.

– Дайте пройти! – раздражённо закричал Абб.

Мужчина выставил ногу в сторону и Абб споткнулся. Он почти потерял равновесие, но не упал. Мужчина со злостью в глазах поспешил прочь. Абб уже было кинулся избить его, но тут же вспомнил, что нужно опередить автобус, и продолжил движение вперёд.

Абб увидел дорогу, по которой вправо и влево двигались машины. Его лицо засияло. Не добежав каких-то пяти метров до проезжей части, Абб заметил автобус №851, медленно и покорно идущий в потоке остальных автомобилей.

Абб поравнялся с автобусом и громко застучал кулаком по обшивке.

– Эй! Люди! – Абб махал перед глазами пассажиров чемоданом. – Скажите водителю, чтобы открыл двери! Эй!

Пассажиры не реагировали. Автобус не останавливался.

Абб чуть не попал под проезжавший автомобиль и решил, что бежать по дороге опасно. Он свернул на тротуар, где сновали только случайные прохожие, и можно было набрать скорость. Абб твёрдо решил, что единственный способ попасть в автобус – стать прямо перед ним, чтобы тот был вынужден остановиться.

На всякий случай Абб размахивал перед собой чемоданом, чтобы прохожие расступались и не мешали ему бежать. Он посмотрел на автобус. Всё шло хорошо. Абб обогнал автобус уже метров на пятьдесят. Но тут его ждал неприятный сюрприз. Впереди, между проезжей частью и домом, он заметил рабочих – они меняли плитку, и оббежать их было невозможно. Единственным выходом было свернуть во дворы. Так Абб и поступил – скорость нельзя было терять.

Абб пробежал сначала двор одного дома, стоящего параллельно дороге. Потом он пробежал двор второго дома. Третий дом оказался очень длинным. Неестественно длинным. Двор казался неприлично бесконечным. Возникло ощущение, что такое здание придумано было специально. Словно из восьми-девяти домов решили сделать один. Солнце зашло за тучи и в округе немного потемнело. Лавочки и кусты лишились собственной тени и части привлекательности.

Абб вдруг оказался перед старой кирпичной стеной. Он посмотрел налево – пройти к дороге отсюда было нельзя. Тупик. Нужно было возвращаться обратно. Но Абб не спешил. Его привлёк рисунок на стене, созданный краской видимо очень давно. Сходу понять, что это – было невозможно.

Абб, нахмурившись, отошёл от стены на достаточное расстояние, чтобы видеть рисунок полностью и стал его рассматривать. Впервые за это утро его чемодан оказался на асфальте – держать его в руках было тяжело и в данный момент ни к чему.

Рисунок на стене напоминал огромный глаз с еле заметными ресницами. Зрачок был как настоящий, даже несмотря на то, что был нарисован исключительно белой краской. В центре зрачка были какие-то три символа, очень напоминающие цифры. Но понять, какие это цифры было затруднительно – они сохранились хуже всего.

Абб перевёл взгляд на чемодан, но того не оказалось рядом. Абб резко обернулся; в панике стал оглядываться по сторонам. Ни чемодана, ни людей поблизости не было.

Посмотрев на дом, Абб вдруг заметил стоящую перед входом в подъезд пожилую женщину – ту самую, которая указала ему на автобус №851 полчаса назад на остановке. На женщине было то же нелепое коричневое платье, что и прежде. В руке женщины был чемодан Абба. Она стояла точно статуя, – не шевелясь, почти безжизненно. Её взгляд – немигающий, полный ненависти – был направлен на Абба.

– Верните мне мой чемодан, – сказал Абб и сделал шаг в направлении женщины.

Женщина в ответ сделала шаг назад и негромко зарычала, сохраняя губы неподвижными. Её рык был как у дикого зверя – волка или какой-то большой кошки. Абб занервничал.

– Послушайте, зачем вам мой чемодан? Там мои документы. Я без них не могу. Там мой паспорт, договора... Отдайте!

Абб сделал ещё два осторожных шага к женщине. В ответ та отступила на пару шагов назад. Она зашла в подъезд и остановилась, продолжая рычать. В темноте подъезда её глаза стали без зрачков и молочного белого цвета.

– Вы нездоровы. Вы сами не понимаете, что делаете. Верните мой чемодан. Я не хочу ругаться.

Абб медленно подошёл к подъезду, слыша из него звериный рык женщины, и зашёл внутрь. Рык прекратился. Звуки в подъезде исчезли. Двор погрузился в тишину. Через минуту дверь подъезда закрылась без всякого постороннего вмешательства. И потом, в течение всего дня, больше не открывалась.

После этого пожилую женщину в коричневом платье и Абба никто и никогда больше не видел.

Шварцеланд

Я живу на окраине города в новостройке с одним окном. От центра далеко, зато рядом есть железная дорога. Можно сесть на поезд и выбрать любую понравившуюся остановку. Еще рядом есть река, и есть мост. Из квартиры он виден полностью. Правда, мост совсем заброшенный, но мне даже нравится, что он такой. Он напоминает мне скелет большого животного. Кто-то скажет, что подобный район не самое лучшее место для мальчишки-инвалида, но знает ли кто-нибудь, что мне нужно на самом деле.

Звуков в моей жизни мало. Сегодня шумно, завтра спокойно – нет, такого не бывает. Я молчу, и вместе со мной молчит моя новостройка. И черная роща на берегу реки молчит и мост молчит. Свист чайника для меня – уже громко. Голоса я слышу редко: либо по телевизору, либо когда звонит телефон. Когда по субботам на другом берегу проезжает поезд, я тоже его слышу. Потом еще долгое время, после того, как поезд пропадает за горизонтом, над округой носится тревожное эхо.

Иногда, мне кажется, что в моем доме нет людей, а остались лишь я и соседка. Соседку я почти не вижу. А когда это случается, она начинает сплетничать то о новой семье с 3-го этажа, то о новой семье с 5-го этажа. Я живу на 8-м и еще ни одного человека из тех, о ком она говорит, не видел. Может из-за того, что сам редко выхожу, а может, потому что люблю одиночество. И все же. Людей я не наблюдаю уже давно, будто они попрятались.

С месяц назад мой звуковой мир изменился. Хорошо помню, как это произошло. Я сидел перед телевизором и смотрел очередной черно-белый фильм, в котором ближе к середине актеры прекратили разговаривать, серьезно уставились друг на друга, а потом и вовсе куда-то пропали, оставив меня глазеть на пустой экран. Я хорошо запомнил тот вечер, еще и потому что сразу после фильма зазвонил телефон. Звонила мать. Не знаю, нарочно так вышло или нет, но наши с ней разговоры случаются раз в две недели – ни днем позже, ни днем раньше. Тот день не оказался исключением. Я восстанавливаю его в подробностях.

Я поднимаю трубку:

– Здравствуй, сынок.

– Здравствуй. Как у тебя дела?

– Да, так. Сегодня думала о том, что из моей тыквы выйдет прекрасное хранилище для звуков прошлого.

– Понятно.

Мать говорит в нос и то и дело вздыхает:

– У тебя уставший голос. Ты заболела?

– Нет. Это ветры. Они поднимают пыль, которая заставляет меня кашлять.

– С тобой бы такого не случилось.

– Ну, да ладно. Что у тебя нового, сынок?

– Тоже ничего особенного, – я перевожу взгляд на улицу и замечаю, как портится погода. – Посмотри в окно. Видишь? Грязного синего цвета.

– Да, вижу, – мать замолкает. – Тучи.

Я кладу трубку и тянусь за костылем. Задетый стакан с чаем падает на пол. Доковыляв до окна, я отодвигаю занавеску, и осторожно вглядываюсь в унылый пейзаж. Быстро темнеет, в сумерках роща кажется враждебной. Мост прорисовывается все хуже и хуже, словно стараясь спрятаться в вечерней дымке. Вроде бы все как обычно и вроде бы все на своих местах, да только когда смотришь изо дня в день на одну и ту же картину, запоминаешь самые бесполезные детали, и если в ней что-то появилось или чего-то не хватает – то это сразу чувствуется. И я замечаю лишнюю деталь. По реке плывет что-то, и это что-то похоже на человека. Видна голова и часть плеча. Рот широко открыт, лицо вроде бы мужское – издали рассмотреть трудно. Тело доплывает до моста и пропадает под ним. Я крепко сжимаю занавеску, надеясь, что мне показалось. Но, миновав мост, тело появляется вновь. Оно бездвижно и плывет дальше. Я вслух решаю, что если это мертвец, и мне все-таки не померещилось, то, нужно хотя бы выловить его и понять, что с ним случилось. Не тратя время на одевания, я мигом выхожу из квартиры и бросаюсь к лифту. Нормальный человек, с нормальными ногами, преодолел бы расстояние до реки за пару минут. В моем же случае остается лишь рассчитывать на то, что труп не пропадет хотя бы еще пять-семь минут.

Я оказываюсь на улице и выруливаю в направлении реки – рвусь, и каждый раз ступая на больную ногу, прихрамываю. В голове крутятся сюжеты преступлений: один убил другого и сбросил тело в воду, суицидник, падающий с пристани, как надрубленное дерево.

Наконец добравшись до моста, я слегка спотыкаюсь. Сразу смотрю в ту сторону, в которую плыл труп – вытягиваюсь, как мышь в поиске еды. Трупа нет.

Он вполне мог уплыть за то время, пока я добирался. На другом берегу громко раскачиваются деревья. В течении реки только спокойствие.

– Как овощи.

Я оборачиваюсь. Рядом со мной в той же позе, что и я стоит соседка. Она идиотски улыбается и, не моргая, смотрит на реку:

– Мы все как овощи. Не правда ли? – бормочет соседка и улыбается еще раз.

Взглянув на ее нелепо накрашенные губы, я подпираю плечо костылем и, ничего не ответив, направляюсь домой. Все из-за ноги – черт бы ее побрал – ни на что не годится. Ведь я мог успеть. И эта кудрявая кукла, – откуда она взялась? Не сидится ей. Что она там высматривала?

Пока я злюсь на себя и мысленно ворчу, подъезд оказывается перед глазами. В тот момент, когда я открываю дверь, мой слух выхватывает звук, похожий на хруст. Я замираю. Опять причудливые игры фантазии? Хруст повторяется, – он идет из окошка подвала. Слышатся толчки. Через пару секунд опять слышится хруст. Первая мысль – кто-то держит в под-

вале животных. Вторая мысль – зачем кому-то из нашего дома держать в подвале животных? Какое-то время я продолжаю напряженно вслушиваться. Звуки больше не повторяются, и я потихоньку возвращаюсь домой.

Войдя в квартиру, я первым делом закрываю ее на замок. Слишком много впечатлений. Сев на пол, я прислоняюсь спиной к стене и засыпаю.

Игра в молчанку всегда заводит в тупик.

Когда я проснулся на следующий день, то сразу вставать не стал. Во-первых, из-за ноги подниматься с постели очень тяжело. А во-вторых, я люблю подолгу лежать. Просто лежать, пялиться в потолок и о чем-нибудь думать. Я плотно сжимал губы, лежал и думал. Думал о том, кем при жизни мог быть тот мертвец. Не почудилось ли мне то, что я видел. В какой-то момент у меня появилось ощущение, что мои мысли по-настоящему жужжали в голове. Оказалось, что жужжание было реальным. Но жужжала муха. Видимо, она залетела через окно. Муха перелетала с одного места на другое, и, в конце концов, сев на потолок, медленно по нему заползала. Странно, в детстве мне не нравились мухи. А потом я нашел в них много интересного. Вот муха кружится рядом с люстрой и вот муха на потолке, только вверх тормашками. Половину жизни муха видит мир перевернутым. Вдруг, ей кажется, что это люди ходят вверх тормашками.

Я лежал и думал под жужжание мухи.

Квартира моя обставлена бедно, старые обои пожелтели, и то и дело отслаиваются. Единственное окно заменяет картину на стене. Окно помогает мне видеть округу, чувствовать себя предупрежденным. Даже с закрытыми глазами я могу описать то, что из него вижу. Серое небо занимает верхнюю часть «картины». Другая половина – верхушки черных деревьев. Дом со всех сторон окружает густая роща.

Чем дольше я лежал, тем навязчивее становились мысли о трупe, – мне не терпелось опять вернуться к реке. Выйдя из дома, я вновь не обнаружил на улице людей. Забытый кем-то трехколесный велосипед был в том же положении, что и неделю назад. Я дошел до середины моста и стал смотреть в воду. В воде отражалось то одно облако, то другое, и моя фантазия заиграла с образами. Сначала скопившиеся облака мне напомнили скалу, а потом скала изменила форму и превратилась в огромного слона. Слон задвигал хоботом и еле заметно подмигнул мне единственным глазом.

Я наивно думал, что если долго буду смотреть на реку, все повторится, как прошлым вечером и я смогу реабилитироваться. Не знаю, сколько времени мне пришлось торчать на мосту, но наверно очень долго. Нога совсем занемела. Я еще раз посмотрел в воду и стал возвращаться домой.

Возле подъезда я интуитивно сделал остановку. И не ошибся. Поначалу было тихо, но потом каким-то образом я почувствовал звук еще до того, как его услышал. Тот звук. И опять из подвала. Похожий на животные метания и толчки. Я никак не мог понять, что же все-таки слышу. Хуже всего – когда не знаешь или не видишь того, что тебя пугает. От страха я поспешил домой.

Настороженно поднимаясь по лестнице, я считал ступени и думал о матери.

Открыв дверь квартиры, я замер. Мой взгляд приковало окно. Картина пейзажа заменилась картиной «Пожара». Огромное пламя полыхало где-то в середине роши. Я не сразу понял, что огонь настоящий. Горело что-то очень большое. Но горело очень странно. Неестественно, «как бы». Внутри квартиры тоже все стало «как бы». Воздух превратился в вакуум, у меня появилось чувство, будто я иду под водой – движения рук замедлились, квартира поплыла перед глазами. Пламя тоже поплыло, медленно размазываясь по небу.

Я высунулся из окна и заметил на другом берегу крохотное красное пятно, фигуру человека. Постепенно фигура приближалась к нашему дому, и мне удалось ее лучше рассмотреть. Это был пожарный. В комбинезоне, в шлеме – все как полагается. Почему-то я сразу заподозрил, что пожарный побежит именно на наш этаж. Наверно, поэтому я не удивился, услышав через время громкий топот на лестничной площадке.

Пожарный выглядел именно так, как я себе его и представлял. Голубоглазый, с загорелым лицом и, причем абсолютно спокойный. Не было похоже, чтобы он запыхался или вспотел. Когда он меня увидел, то первым делом скривил губы и, недоверчиво посмотрев на мой костыль, сказал.

– Я пожарный. Мой отец был пожарным. И братья тоже. У нас в семье все пожарные. Наша пожарная часть находится здесь, неподалеку. Сегодня она загорелась, и мы никак не можем ее спасти. Я ищу воду, чтобы потушить огонь.

Мне стало неловко от его просьбы, и я сильно занервничал. Жизнь в глуши сделала меня нелюдимым. Я ответил ему, что у меня нет воды, и топтался на месте, не зная чем помочь, а пожарный продолжал серьезно смотреть то мне в глаза, то на костыль.

В конце концов, наш разговор ни к чему не привел. После того как мы попрощались, я прильнул к двери и стал слушать.

За дверью раздалось несколько неуверенных шагов. Как я и думал, пожарный постучался к соседке. О том, что происходило за дверью, я догадывался по звуку. Замок провернулся два раза и послышался женский голос. Пожарный стал задавать вопросы, но какие именно я не разобрал. Точно так же я не разобрал и слов соседки. Не было ни истерики, ничего такого. Они беседовали спокойно и тихо. Я даже слышал, как пару раз соседка смеялась.

А потом голоса пропали. Подождав немного, я вновь подошел к окну и продолжил наблюдать за пожаром.

Пламя вдали не уменьшилось, а осталось таким же. Оно как будто было нарисовано. Пожарный спешил обратно в часть – красное пятнышко стремительно перемещалось по мосту. Мне оставалось только догадываться, – нашел он воду или нет? Когда пожарный был на другой стороне реки, я взял телефон и набрал номер соседки. Прошло гудков десять, но ответа не последовало. Я набрал номер еще раз и в трубке, наконец, послышался голос.

– Да. Чего ты хотел?

– Пожарный, что приходил. Ему ведь не вода нужна была?

– Почему ты уверен, что это был пожарный?

Я еще раз посмотрел в окно. По ту сторону реки никого не было. Люди появляются и тут же исчезают. Мой следующий вопрос был логичен:

– Я не знаю, кто читает наши газеты. Почтальон не приходил уже давно, а ящики все равно не пустуют. Где он? Меня это беспокоит. Газеты постоянно забирают.

– Кто знает о почтальоне? Он ходит туда-сюда. Ничего странного я не замечала, кроме того, что он очень любопытен и прислушивается к дверям.

– С ним нужно будет что-то решить. Но я не об этом.

– А о чем?

– У нас в подвале могут быть животные? Я слышал в нем топот. И неприятный звук. Как будто волки, только по-другому. Собаки или какие-нибудь большие звери.

– Это невозможно. Наши жильцы. И животные.

– А у кого ключи от подвала?

– Не знаю. Дверь красили вместе с замком. Даже если бы подвал открывали, это сразу бы стало заметно.

Мне стало плохо от нестыковок. Мертвец, который куда-то плыл. Пожарный, который исчез быстрее, чем появился. Пропавший почтальон, жильцы, которых я не вижу. Животные, которые никак не могут быть в подвале. Если соседка права, то я наверняка болен. А если нет, – она может пропасть следующей. Я взглянул в окно – огня больше не было.

Я положил трубку.

Проходили дни. Словно швы лопались, медленно обнажая рану сомнений.

За долгие годы я привык к тихой жизни. Я верил, что остальные люди живут точно так же. Редко говорят и много размышляют. Я боялся, что останусь абсолютно один, но переезжать мне не хотелось. Мне просто нужна была тишина.

Все больше и больше я убеждался, что мой дом перестал быть «моим». В нем как будто бы образовалась опухоль. Неизвестная субстанция, которая увеличивалась в размерах, понемногу заражая весь организм здания.

Единственный человек, живший со мной рядом, которого я мог видеть и с которым мог разговаривать, пропал. Соседка. Она была, как предохранитель от окончательного помеша-

тельства. Но и она все-таки исчезла. Ее телефон не отвечал, а ответом на стук в дверь было молчание.

Звук из подвала стал доноситься все чаще и отчетливее. Мерзкое чавканье я слышал даже по ночам. Оно волновало меня. Оно пугало меня. Оно стало постоянным.

Я ждал, когда наступит суббота и придет поезд. Еще почтальон, глядя на мой измученный вид, советовал отдохнуть где-нибудь, хотя бы в выходные. Где-нибудь в другом месте. Но не рядом с рощей.

Рано утром в субботу я уже сидел на остановке и грыз ногти, нервничая по поводу предстоящего путешествия. Поезд для меня в первую очередь был лавиной звука, а значит, встреча с ним гарантировала порцию адреналина. Собственно, так и получилось. Характерный гудок заставил меня резко вскочить с места. Я чуть не потерял сознание, когда поезд подъезжал к остановке. А особенно, когда в него пришлось садиться.

Оказавшись внутри, я немного успокоился. Попутчиков не намечалось, и можно было не волноваться, что кто-то будет смотреть на ногу.

Пшеничные поля проносились за окном, одни пшеничные поля. Так продолжалось очень долго. Пока не показались лысые горы. А потом мы проехали порт.

Небо покраснело, и солнце словно заулыбалось лучами. Вдали я заметил кучу пестрых домишек. Я в шутку назвал эти районы Свинляндией или Карамельной Страной. Я был в них пару раз, правда, много лет назад. И, видимо, ничего с тех пор не изменилось. На рекламных щитах счастливые семьи все так же яростно облизывали гигантские конфеты, а снизу красовалась надпись «Ментальный сон – жизнь по расчету».

Точно такие же семьи я увидел и на вокзале. И все они имели один и тот же состав. Мама – пупс, папа – пупс, и с ними их дети – маленькие свинки-копилки. Ну, прямо конфетные человечки грушевидной формы. Щеки розовые, кожа, как корка яблочного пирога красивая. Расцеловать? На вкус попробовать? Ан нет, пальцем не тронь. Глазурь и гармония. Походка бойца сумо плюс легкость мыслей-слов.

Все казалось игрушечным и несерьезным. Желтые стены, красные крыши, зеленые двери. Пока я стоял с открытым ртом и с завистью рассматривал дома, меня сбили с ног. Все произошло так быстро – секунда и я локтями ударяюсь об асфальт. Оказалось, меня сбил пухлый хулиган на миниатюрной машине. Из машины мне в руки посыпались какие-то разноцветные шарики. Я набрал их целую горсть, и, попробовав один на вкус, понял, что это конфеты. Мальчишка заплакал, став звать взрослых на помощь.

Из дома напротив послышалось ворчание. Дверь открыл человек с большим пузом. Он поправил подтяжки и пригрозил мне пальцем.

– Опять крысеныш ты грызешь мое спокойствие. Тебе изгонять, падла, кто разрешал?

После этого он повернул голову в сторону и кому-то крикнул:

– Марыся!

Из-за угла вышла толстая девочка с прической «под горшок». Она дебилно улыбалась и ковыряла в носу. Человек с большим пузом что-то достал из кармана и дал съесть девочке.

– Ты ж моя сахарная. На, вот. Погрызи.

Марыся громко пустила газы, смеясь и хрюкая от удовольствия. Запах пошел тут же. Странно, но газы девочки показались мне даже ароматными, словно вместо кала в ее кишечнике были рождественские сладости.

Улица зашевелилась. Местные поочередно выходили из своих домов и собирались вокруг меня. Они следили за моей реакцией и, скорее всего, знали, что мне страшно. Я чувствовал себя обезьянкой в зоопарке, которую каждый хотел передразнить и напугать. Кто-то из толпы подбежал поближе и насильно запихнул мне в рот конфеты.

Послышался смех:

– Гля, как пляшет? Бродяжка зассаная. У нее вон пена изо рта!

У меня вдруг началась рвота. Мое тело, как пожарный шланг, стало выблевывать пену. Свинусы попятились назад, и я в момент обрыгал пеной автомобиль мальчишки. Меня не переставало трясти. Нет. Не просто трясти. Я бился в конвульсиях, не понимая, что со мной происходит, и почему меня так ненавидят. Толстые щеки свинусов продолжали угрожающе надвигаться на меня:

– Хочешь конфетку сладкую? Как попку бога сладкую?

Слова больше не звучали для меня. Я перестал их слышать. Каждое следующее оскорбление всплывало перед глазами в виде субтитров, точно я попал в старый черно-белый фильм. Но свинусы не унимались:

– Пока дети спят крепким сном, их родители совершают преступления, и в этих преступлениях кроется секрет невинности каждого виновного на земле, но ты, видимо, абортыш, совсем обнаглел. Загадил нашу улицу, наши конфеты и наших детей.

Вместо ответа из моего рта вырвался мощный фонтан пены, и меня отбросило назад. Мне очень повезло. Очутившись на приличном расстоянии от свинусов, я смог подняться и кое-как добежать до вокзала.

Не понимаю, как мне это удалось. Помню, как кричали в спину. Как угрожали помню. Дверь купе до сих пор стоит перед глазами. Наверно, все-таки случилось чудо.

Я закрыл уши руками, засыпая под разъяренные удары по вагону, и больше не боялся. Может быть, так сработал мой организм. Не знаю. Но я больше не боялся. Я перестал дергаться, сел ровно и успокоился. Последнее, что я запомнил, – как тронулся поезд.

Монстр живет в подвале моего дома в обличии слоноподобных тварей. У меня нет матери – она умерла при родах. У меня нет даже ее снимка. Но монстр звонит по телефону и говорит со мной под видом матери. Сначала он съел всех людей на первом этаже. Потом добрался и до последних. Я скармливал ему жильцов долго и методично, семья за семью. Выманивал одного за другим. Свою соседку я ему тоже скормил, поэтому монстру приходится притворяться и ей. На всю округу остались только я и он. Он все мне заменяет. Телевизор у меня не работал, но монстр и об этом позаботился. Он стал симулировать каналы, программы и голоса. Он очень умный. Знает где я, с кем я и обижает ли кто. Моя злость ему как топливо. Сейчас стены квартиры слегка подрагивают, внизу слышатся толчки. Что ж, пора его кормить.

Я спускаюсь по ступенькам, сжимая в кармане ключ от подвала. Как хорошо, что никого не осталось. Фантомные боли в ноге – единственное, что временами сильно раздражает. С ногами все нормально, а ковыляю, как идиот. Да и как бы хилая хромоножка дотащила такого детину до реки. Чертов почтальон со своими газетами.

Дойдя до третьего этажа, я проверяю на месте ли леденцы. Да, на месте. Спускаюсь дальше.

Тот случай с пожарными произошел, когда я был совсем ребенком. На меня, конечно, никто не подумал. Маленький, несмышленный. Именно тогда, после трагедии, монстр и остался жить вместе со мной. По ночам я замечал, как рядом с кроватью стоит его темный силуэт. Страшно не было. Скорее наоборот.

Розовощекая Свинляндия. Ее запах – запах конфет – я почувствовал еще в поезде, когда только приближался к ней. А там, среди сказочных домишек, можно разгуляться. Какие вредные хрюшки там обитают. Нелепые до ужаса. Все-таки они смешные. Лопают сладкое за обе щеки, жиреют. Готов поспорить, их кожа пахнет леденцами, их одежда пахнет леденцами, и их домишки – тоже пахнут леденцами. Удачнее и не придумаешь. Веселая поросня сама нарисовала у себя на лбах мишени.

Вот и зеленая дверь – я открываю подвал.

Вонь от трупов идет страшная. В темноте мелькают хоботы.

Все-таки дети получились прожорливые. С юмором. Приделали себе оторванные руки и ноги. Один себе приделал голову профессора со второго этажа. «Красавцем» его назову.

Пошарив в карманах, я достаю разноцветные шарики и начинаю кормление. Малыши слюнявят мои ладони, жадно поедая конфеты. Острые клыки царапают кожу. Интересно сколько километров бежать до Свинляндии? Двадцать? Тридцать? Все равно доберутся. Точно доберутся.

Под громкое чавканье и рычание я вспоминаю слова из одной детской песенки.

«Свинка пухла – свинка сдохла,

Себя свинка вела плохо».

Смеясь и постоянно напевая одни и те же строчки, я широко открываю дверь подъезда и довольный собой возвращаюсь в квартиру.

Сейчас я вновь живу, как и раньше. С момента поездки в Свинляндию прошло примерно месяца два. Точно не помню. Когда чистил квартиру, выбросил календарь. Он мне все равно не нужен.

На днях звонила мать. Голос у нее был грустный, из-за помех слова понимались с трудом.

– Здравствуй, сынок.

– Здравствуй. Как ты?

– Все нормально. Сегодня порезала руку, а крови не было. Вот сижу и думаю, может у меня бескровие. Странное ощущение. Как будто у тебя чужая слюна. Странное ощущение. Жрать мозги. Знаешь, в последнее время я все больше молчу, слушая свои мысли. Я пропускаю мир через себя и создаю собственный мир. И в нем для меня есть только один Бог – это насилие. И я не могу и не смогла бы прожить свою жизнь иначе. Потому что все, что я делаю тоже насилие. Только насилие над собой.

Я положил трубку и подошел к окну. На берегу я увидел двух людей. Это была соседка с каким-то мужчиной. Она стояла неподвижно, а мужчина грыз ее лицо, пристроившись сбоку. Соседка подняла голову, заметила меня и помахала рукой. Я помахал ей в ответ и улыбнулся.

Погода менялась. На улице быстро темнело. Мне не хотелось выходить из квартиры, и я остался дома. Досматривать очередной черно-белый фильм.

Я живу на окраине города, в доме с одним окном. От центра далеко, зато рядом есть железная дорога. Можно сесть на поезд и выбрать любую понравившуюся остановку. Времени мне кажется, что в нашем доме живем лишь я и соседка. Остальных жильцов я не наблюдаю уже давно, и от этого мне становится очень жутко и одиноко. Кто-то скажет, что подобный район не самое лучшее место для мальчишки-инвалида, но кто знает, что мне нужно на самом деле.

Шварцеланд. Игра в муху

²с ЦЙЧХ ОБ ПЛТБЙОЕ ЗПТПДБ Ч ОПЧПУФТПКЛЕ У ПДОЙН ПЛОПН. пФ ГЕОФТБ ДБМЕЛП, ЪБФП ТСДПН ЕУФШ ЦЕМЕЪОБС ДПТПЗБ. нПЦОП УЕУФШ ОБ РПЕЪД Й ЧЩВТБФШ МАВХА РПОТБЧЙЧЫХАУС ПУФБОПЧЛХ. еЭЕ ТСДПН ЕУФШ ТЕЛБ, Й ЕУФШ НПУФ. йЪ ЛЧБТФЙТЩ ПО ЧЙДЕО РПМОПУФША. рТБЧДБ, НПУФ УПЧУЕН ЪБВТПЫЕООЩК, ОП НОЕ ДБЦЕ ОТБЧЙФУС, ЮФП ПО ФБЛПК. пО ОБРПНЙОБЕФ НОЕ УЛЕМЕФ ВПМШЫПЗП ЦЙЧПФОПЗП. лФП-ФП УЛБЦЕФ, ЮФП РПДПВОЩК ТБКПО ОЕ

² Изменение кодировки текста не является ошибкой, а является авторским замыслом.

УБНПЕ МХЮБЕЕ НЕУФП ДМС НБМШЮЙЫЛЙ-ЙОЧБМЙДБ, ОП ЪОБЕФ МИ ЛФП-ОЙВХДШ, ЮФП НОЕ ОХЦОП ОБ УБНПН ДЕМЕ.

ЪЧХЛПЧ Ч НПЕК ЦЙЪОЙ НБМП. УЕЗПДОС ЫХНОП, ЪБЧФТБ УРПЛККОП ОЕФ, ФБЛПЗП ОЕ ВЩЧБЕФ. С НПМЮХ, Й ЧНЕУФЕ УП НОПК НПМЮЙФ НПС ОПЧПУФТП-КЛБ. Й ЮЕТОБС ТПЭБ ОБ ВЕТЕЗХ ТЕЛЙ НПМЮЙФ Й НПУФ НПМЮЙФ. УЧЙУФ ЮБКОЙЛБ ДМС НЕОС ХЦЕ ЗТПНЛП. ЗПМПУБ С УМЩЫХ ТЕДЛП: МИВП РП ФЕМЕЧЙ-ЪПТХ, МИВП ЛПЗДБ ЪЧПОЙФ ФЕМЕЖПО. ЛПЗДБ РП УХВВПФБН ОБ ДТХЗПН ВЕТЕЗХ РТПЕЪЦБЕФ РПЕЪД, С ФПЦЕ ЕЗП УМЩЫХ. РПФПН ЕЭЕ ДПМЗПЕ ЧТЕНС, РПУМЕ ФПЗП, ЛБЛ РПЕЪД РТПРБДБЕФ ЪБ ЗПТЙЪПОФПН, ОБД ПЛТХЗПК ОПУЙФУС ФТЕЧП-ЦОПЕ ЫП.

ЙОПЗДБ, НОЕ ЛБЦЕФУС, ЮФП Ч НПЕН ДПНЕ ОЕФ МАДЕК, Б ПУФБМИУШ МИЙШ С Й УПУЕДЛБ. УПУЕДЛХ С РПЮФЙ ОЕ ЧЙЦХ. Б ЛПЗДБ ЪФП УМХЮБЕФУС, ПОБ ОБЮЙОБЕФ УРМЕФОЙЮБФШ ФП П ОПЧПК УЕНШЕ У 3-ЕЗП ЪФБЦБ, ФП П ОПЧПК УЕНШЕ У 5-ПЗП ЪФБЦБ. С ЦЙЧХ ОБ 8-ПН Й ЕЭЕ ОЙ ПДОПЗП ЮЕМПЧЕЛБ ЙЪ ФЕИ, П ЛПН ПОБ ЗПЧПТЙФ, ОЕ ЧЙДЕМ. НПЦЕФ ЙЪ-ЪБ ФПЗП, ЮФП УБН ТЕДЛП ЧЩИПЦХ, Б НПЦЕФ, РПФПНХ ЮФП МАВМА ПДЙОПЮЕУФЧП. Й ЧУЕ ЦЕ. МАДЕК С ОЕ ОБВМАДБА ХЦЕ ДБЧОП, ВХДФП ПОЙ РПРТСФБМИУШ.

У НЕУСГ ОБЪБД НПК ЪЧХЛПЧПК НЙТ ЙЪНЕОЙМУС. ИПТПЫП РПНОА, ЛБЛ ЪФП РТПЙЪПЫМП. С УЙДЕМ РЕТЕД ФЕМЕЧЙЪПТПН Й УНПФТЕМ ПЮЕТЕДОПК ЮЕТОП-ВЕМЩК ЖЙМШН, Ч ЛПФПТПН ВМИЦЕ Л УЕТЕДЙОЕ БЛФЕТЩ РТЕЛТЪФЙМИ ТБЪЗП-ЧБТЙЧБФШ, УЕТШЕЪОП ХУФБЧЙМИУШ ДТХЗ ОБ ДТХЗБ, Б РПФПН Й ЧПЧУЕ ЛХДБ-ФП РТПРБМИ, ПУФБЧЙЧ НЕОС ЗМБЪЕФШ ОБ РХУФПК ЪЛТБО. С ИПТПЫП ЪБРП-НОЙМ ФПФ ЧЕЮЕТ, ЕЭЕ Й РПФПНХ ЮФП УТБЪХ РПУМЕ ЖЙМШНБ ЪБЪЧПОЙМ ФЕМЕЖПО. ЪЧПОЙМБ НБФШ. ОЕ ЪОБА, ОБТПЮОП ФБЛ ЧЩЫМП ЙМИ ОЕФ, ОП ОБЫЙ У ОЕК ТБЪЗПЧПТЩ УМХЮБАФУС ТБЪ Ч ДЧЕ ОЕДЕМИ ОЙ ДОЕН РПЪЦЕ, ОЙ ДОЕН ТБОШЫЕ. ФПФ ДЕОШ ОЕ ПЛБЪБМУС ЙУЛМАЮЕОЙЕН. С ЧПУУФБОБЧМИЧБА ЕЗП Ч РПДТПВОПУФСИ.

С РПДОЙНБА ФТХВЛХ:

ЪДТБЧУФЧХК, УЩОПЛ.

ЪДТБЧУФЧХК. ЛБЛ Х ФЕВС ДЕМБ?

ДБ, ФБЛ. УЕЗПДОС ДХНБМБ П ФПН, ЮФП ЙЪ НПЕК ФЩЛЧЩ ЧЩКДЕФ РТЕЛТ-БУОПЕ ИТБОЙМИЭЕ ДМС ЪЧХЛПЧ РТПЫМПЗП.

РПОСФОП.

НБФШ ЗПЧПТЙФ Ч ОПУ Й ФП Й ДЕМП ЧЪДЩИБЕФ:

Х ФЕВС ХУФБЧЫЙК ЗПМПУ. ФЩ ЪБВПМЕМБ?

ОЕФ. ЪФП ЧЕФТЩ. ПОЙ РПДОЙНБАФ РЩМШ, ЛПФПТБС ЪБУФБЧМСЕФ НЕОС ЛБЫМСФШ.

у ФПВПК ВЩ ФБЛПЗП ОЕ УМХЮЙМПУШ.

оХ, ДБ МБДОП. юФП Х ФЕВС ОПЧПЗП, УЩОПЛ?

фПЩЕ ОЙЮЕЗП ПУПВЕООПЗП, С РЕТЕЧПЦХ ЧЪЗМСД ОБ ХМЙГХ Й ЪБНЕ-ЮБА, ЛБЛ РПТФЙФУС РПЗПДБ. рПУНПФТЙ Ч ПЛОП. чЙДЙЫШ? зТСЪОПЗП УЙОЕЗП ГЧЕФБ.

дБ, ЧЙЦХ, НБФШ ЪБНПМЛБЕФ. фХЮЙ.

с ЛМБДХ ФТХВЛХ Й ФСОХУШ ЪБ ЛПУФЩМЕН. ЪБДЕФЩК УФБЛБО У ЮБЕН РБДБЕФ ОБ РПМ. дПЛПЧЩМСЧ ДП ПЛОБ, С ПФПДЧЙЗБА ЪБОБЧЕУЛХ, Й ПУФПТПЦОП ЧЗМСДЩЧБАУШ Ч ХОЩМЩК РЕКЪБЦ. ВЩУФТП ФЕНОЕЕФ, Ч УХНЕ-ТЛБИ ТПЭБ ЛБЦЕФУС ЧТБЦДЕВОПК. нПУФ РТПТЙУПЧЩЧБЕФУС ЧУЕ ИХЦЕ Й ИХЦЕ, УМПЧОП УФБТБСУШ УРТСФБФШУС Ч ЧЕЮЕТОЕК ДЩНЛЕ. ЧТПДЕ ВЩ ЧУЕ ЛБЛ ПВЩЮОП Й ЧТПДЕ ВЩ ЧУЕ ОБ УЧПЙИ НЕУФБИ, ДБ ФПМШЛП ЛПЗДБ УНПФТЙЫШ ЙЪП ДОС Ч ДЕОШ ОБ ПДОХ Й ФХ ЦЕ ЛБТФЙОХ, ЪБРПНИОБЕЫШ УБНЩЕ ВЕУРПМЕЪОЩЕ ДЕФБМЙ, Й ЕУМЙ Ч ОЕК ЮФП-ФП РПСЧЙМПУШ ЙМЙ ЮЕЗП-ФП ОЕ ИЧБФБЕФ ФП ЪФП УТБЪХ ЮХЧУФЧХЕФУС. й С ЪБНЕЮБА МЙЫЮАА ДЕФБМШ. рП ТЕЛЕ РМЩЧЕФ ЮФП-ФП, Й ЪФП ЮФП-ФП РПИПЦЕ ОБ ЮЕМПЧЕЛБ. чЙДОБ ЗПМПЧБ Й ЮБУФШ РМЕЮБ. тПФ ЪЙТПЛП ПФЛТЩФ, МЙГП ЧТПДЕ ВЩ НХЦУЛПЕ ЙЪДБМЕЛБ ТБУУНПФТЕФШ ФТХДОП. фЕМП ДПРМЩЧБЕФ ДП НПУФБ Й РТПРБДБЕФ РПД ОЙН. с ЛТЕРЛП УЦЙНБА ЪБОБЧЕУЛХ, ОБДЕСУШ, ЮФП НОЕ РПЛБЪБМПУШ. оП, НЙОПЧБЧ НПУФ, ФЕМП РПСЧМСЕФУС ЧОПЧШ. пОП ВЕЪДЧЙ-ЦОП Й РМЩЧЕФ ДБМШЫЕ. с ЧУМХИ ТЕЫБА, ЮФП ЕУМЙ ЪФП НЕТФЧЕГ, Й НОЕ ЧУЕ-ФБЛЙ ОЕ РПНЕТЕЙМПУШ, ФП, ОХЦОП ИПФС ВЩ ЧЩМПЧЙФШ ЕЗП Й РПО-СФШ, ЮФП У ОЙН УМХЮЙМПУШ. оЕ ФТБФС ЧТЕНС ОБ ПДЕЧБОЙС, С НЙЗПН ЧЩИПЦХ ЙЪ ЛЧБТФЙТЩ Й ВТПУБАУШ Л МЙЖФХ. оПТНБМШОЩК ЮЕМПЧЕЛ, У ОПТНБМШОЩНЙ ОПЗБНЙ, РТЕПДПМЕМ ВЩ ТБУУФПСОЙЕ ДП ТЕЛЙ ЪБ РБТХ НЙОХФ. ч НПЕН ЦЕ УМХЮБЕ ПУФБЕФУС МЙЫШ ТБУУЮЙФЩЧБФШ ОБ ФП, ЮФП ФТХР ОЕ РТПРБДЕФ ИПФС ВЩ ЕЗЕ РСФШ-УЕНШ НЙОХФ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.